

О нем не сплетничают, не говорят гадости. Он всегда элегантен, спокоен. Такое ровное, безукоризненное поведение — это внутренняя суть или забота о своей репутации? Может быть, ему очень важно, что о нем думают другие?

— Нет, мне неважно, как меня обсуждают: хороший я или плохой, красивый — некрасивый, честный — нечестный... У меня своя точка отсчета. Но если говорят о профессии, для меня это становится важным. И, конечно, для меня важно мнение зрителя. А для себя можно и на кухне сыграть.

— Принято считать, что актеры — народ пьющий. Просто легенды ходят о... многох. Вы не пьете вообще?

— Пью наравне со всеми. Но по мне этого незаметно. По всей вероятности, я просто научился не распускать себя. Ну иногда бывает какое-то депрессивное состояние, я могу выпить больше, чем положено, но мне от этого становится плохо.

— Ценное качество! Чем вы занимаетесь в свободное время? Есть какое-то любимое дело, кроме профессии?

— Скорее всего нет. Люблю просто бродить по Москве. Причем не в компании. На лавочке сидеть, куда-нибудь забрести...

— Вас узнают?

— Конечно, узнают. Я это вижу, чувствую, но не обращаю внимания. Если просят автограф — почему бы не дать? А если с наглостью — стараюсь уйти от этого.

— И такое бывает?

— Ну у нас сейчас народ в общем раскованный. Я понимаю их любопытство, когда они встречают человека, которого видели в кино и, может быть, даже любят, они хотят приобщиться, но манера — ужасающая...

— Ваша любимая роль.

— Наверное, ее нет. Начинаешь по-настоящему ценить роль через какое-то время, может быть, даже когда ты ее уже не играешь. А во время процесса — это работа. Хотя я люблю спектакль «Школа для эмигрантов», где мы играем с Сашей Абдуловым. У нас там есть коридор для импровизации, довольно широкий, как мне кажется. Это доставляет удовольствие. Ведь получаешь удовольствие от роли только тогда, когда понимаешь, что она твоя. Ты можешь делать все, что угодно, и это будет достигать цели. И зритель это понимает.

— А если роль не «твоя»?

— Тогда нельзя играть. Но дело в том, что когда тебе при распределении дают не «ту» роль, то не сразу, через какое-то время, неспециально, эту роль все равно начинаешь любить. Вот представьте себе: вокруг одно мужское общество и вдруг

появилась одна женщина. Одна среди многих мужчин. И ее через какое-то время все равно начинают любить, даже если она не ахти какая.

— У вас есть любимый режиссер?

— Был. Анатолий Васильевич Эфрос. Но это было очень давно. Он ставил спектакли у нас в театре — «Бедный Марат», «До свидания, мальчики». А потом мы встретились с ним очень-очень не скоро.

В ОЖИДАНИИ «ОСКАРА»

АЛЕКСАНДР Я БЫ ВСЕ ИЗМЕНИЛ ЗБРУЕВ: В СВОЕЙ ЖИЗНИ

Он уже был в другом театре, на Малой Бронной, позвонил мне и сказал, что хочет сделать телеверсию спектакля «Бедный Марат». Была замечательная встреча... Я для себя очень много получил... Сегодня уже все понимают, что он один из очень немногих...

Ну а сейчас я люблю свой театр. И считаю, что большая заслуга Захарова в том, что он собрал сильных актеров, что даже в наши дни Ленком всегда полон.

— С кем из режиссеров было легче всего работать?

— В театре — с Эфросом. А в кино мне было очень приятно работать с Андреем Кончаловским, с Вячиком Кристофовичем (я у него снимался в фильмах «Одинокая женщина желает познакомиться» и «Автопортрет неизвестной»). Я очень люблю Сережу Соловьева и давно его знаю, мы с ним товарищи. С Романом Балабаном, Димой Астраханом...

— А что касается партнеров, о ком сохранились самые приятные воспоминания?

— Ну я так не могу сказать... Я особо отношусь к партнерам. Мне все партнеры нравятся. Только одни — удобные, другие — не очень удобные. Но они мне все нравятся. Если ты не любишь своего партнера, то нужно найти какие-то точки соприкосновения. Хотя бы сделать вид... А когда один раз сделал вид, второй, то уже проникся этим ощущением... Во время работы с партнером в фильме я ничего пло-

хого в нем не вижу. А когда съемки кончаются — то ведь необязательно с ним встречаться?

— Вы часто смотрите кино?

— Очень редко. Зарубежных фильмов я посмотрел давно, когда только появился видик. Тогда смотрели все без разбора: и хорошие фильмы, и порнографию... А сейчас почти ничего не смотрю. Если только кто-то скажет — хорошая картина, посмотреть надо.

— Не бывает так, что смотрите и думаете: я бы лучше сыграл?

— Нет. Либо роль нравится, либо — нет. Если не нравится, значит, что-то с ролью не то, а актер ни при чем.

— Вы человек не завистливый?

— Нет, почему, я завистливый. Я хотел бы пожелать себе более интересной жизни и в театре, и в кино. И вообще жить лучше, чем я живу. Я не плачусь, поверьте. Просто каждый из живущих в нашей стране достоин лучшей жизни. Мы, собственно, не понимаем этого, мы привыкли.

— Давайте поконкретнее: в чем бы вы себе лучшей жизни пожелали?

— Да вот хотя бы в профессии. Сколько лет я работаю? И чего я такого сыграл-то? Ничего выдающегося. У меня не было эпохальной картины... Встречи были очень интересные. А картины такой не было... С классикой встречаешься два раза за время своей работы. Мы играем где-то очень близко, где-то рядом... А существуют же Шекспир, Чехов, Достоевский. И все это на полках стоит. Сыграл в фильме по Куприну. Но это что, господа, две-три роли за всю жизнь. И в театре также. Я в театре один раз встретился с Чеховым, в «Гамлете» Клавдия сыграл. «Мудрец» Островского — вот и вся классика.

— Ну а в личной жизни что не нравится?

— А вам все нравится?

— Можно изменить, если не нравится...

— У меня нет такого выбора... Да, я нормальный человек, у меня, как у всех, возникает и любовь, и увлечения, я нормально живу. Но я считаю, что нам всем еще должны в жизни. Вот так, как мы живем, нам еще должны выплачивать. Я имею в виду не деньги... Хотя я умею получать удовольствие и радоваться...

— Сейчас многие актеры бросаются в режиссуру. У вас не возникало такого желания?

— Возникает довольно часто. Но меня это не привлекает потому, что на 90 процентов эта работа — не творческая, а организационная. Я знаю, что, в частности, в театре я накопил какой-то опыт и мог бы поставить даже спектакль. Но как подумаешь, с чем ты должен столкнуться, не репетируя, не решая творческие проблемы, а все вокруг этого — вот чем совсем не хочется заниматься.

— Саша, по вашему мнению, актер — мужская профессия?

— По-моему, нет. Хотя есть мужественные актеры, но все равно — это прекрасная профессия, мучительно прекрасная.

— Вы не пожелали бы себе никакой другой?

— Ну сейчас, может, я и не стал бы актером. Я продолжаю любить свою работу, но понимаю, что в жизни есть более интересные вещи, которые могли бы привести к более высокому результату. Сегодня наша профессия ведет в никуда. Об этом говорят и критики, и журналисты. Актеры, режиссеры работают, а толку-то что? Большинство картин люди не видят.

— Но это временное явление...

— Вы в это верите? И я тоже надеюсь,

— Товстоногов запрещал своим актерам давать интервью, он говорил: «Если ты актер — ты должен играть, а не говорить»...

— А что бы вы тогда делали?.. На самом деле я в ужасе, что начну мелькать. Здесь я дал интервью, там, тут на пленку снялся. Это же ужасающе, когда без конца на экране человек, без конца он что-то вещает, какие-то свои претензии или, наоборот, радость свою к жизни высказывает.

— Вы бы хотели получить «Оскара»?

— Хотел бы. (Хотя это несбыточная мечта.) В каждом артисте ведь есть тщеславие. И даже если он говорит: мне не нужно звание, то на самом деле это не так. Я тоже ждал звания: сначала заслуженного, потом народного. И когда это случилось, конечно, я был удовлетворен. А об «Оскаре» какой актер не мечтает? Кто не мечтает сняться в Голливуде и за рубежом? Это ощущение удивительное. Когда я снимался у Кончаловского («Ближний круг»), я почувствовал себя человеком. Совсем другое отношение к актеру. А уж если бы «Оскар» получил...